

Произведения Юрия Слепухина
в серии
«Русская литература. Большие книги»

ПЕРЕКРЕСТОК
ТЬМА В ПОЛДЕНЬ
СЛАДОСТНО И ПОЧЕТНО
НИЧЕГО КРОМЕ НАДЕЖДЫ

Юрий Слепухин

ПЕРЕКРЕСТОК
♦
ТЬМА В ПОЛДЕНЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 47

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Слепухин Ю.

С 47 Перекресток ; Тьма в полдень : романы / Юрий Слепухин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 960 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30498-7

Юрий Григорьевич Слепухин (1926–1998) — писатель сложной и необычной судьбы. Родился в городе Шахты Ростовской области, детство прошло на Северном Кавказе, в Пятигорске и Ворошиловске (ныне Ставрополь). Во время войны Ворошиловск был оккупирован, и Слепухина, 17-летнего юношу, вместе с семьей в 1943 году угнали на принудительные работы в Германию. Освобожденные войсками союзников Слепухины были вывезены в Бельгию, где прожили в вынужденной эмиграции два года, а затем переехали в Аргентину. В 1957 году Юрий Слепухин вернулся в Советский Союз. Эти жизненные перипетии и опыт наблюдения за происходящим по обе стороны земного шара легли в основу большинства его произведений. Свой первый роман «Перекресток», продиктованный ностальгией по далекой родине и детству в южном городке последних предвоенных лет, Слепухин начал писать еще в Аргентине, в 1949 году. Он и не предполагал, что это станет началом захватывающей тетралогии о Второй мировой войне, которую впоследствии назовут «Войной и миром» XX столетия. Роман вышел в 1962 году, а в 1968-м увидело свет его продолжение — роман «Тьма в полдень». В центре повествования — жизнь в оккупированном городе, новая для русской литературы тема, а также возникновение и гибель молодежного подполья.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Ю. Г. Слепухин (наследники), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-30498-7

ПРОЛОГ

Уже пятый час без остановки, подхлестываемые стремительными взмахами шатунов, бешено крутились высокие — в полтора человеческих роста — колеса мощного коломенского паровоза. Открытые семафоры проносились мимо; путь был свободен — он летел под колеса километр за километром, холодно и безучастно отсвечивая синеватым блеском металла. Над полотном железной дороги, над желтыми от суглинка полями и поросшими бурьяном оврагами висел густой осенний туман.

Южный экспресс вышел из Москвы на рассвете. Позади остались редкие группы провожающих на перроне, лачуги и новостройки предместий, дымные корпуса, трубы, штабеля угля, мокрые дощатые платформы пригородных станций, дачки с резными мезонинами и стальные мачты высоковольтных линий. Экспресс торопился; его длинное членистое тело, составленное из десяти темно-синих пульманов, содрогалось от нетерпения и мускулисто выгибалось на поворотах пути, чтобы — снова распрямившись стрелой — дальше и дальше со всего размаха вонзаться в туман, оставляя за собой быстро глохнущий грохот и разорванные клочья дыма, медленно оседающие на полотно.

Шел тридцать шестой год, и была осень — холодное октябрьское утро тысяча девятьсот тридцать шестого года.

В длинном лакированном коридоре было тихо. Ритмично покачивались занавески, ровно блестел ряд начищенных дверных ручек; не нарушая тишины, делая ее лишь более ощутимой, из одного купе доносились негромкие голоса да под ковровым настилом пола глухо и безостановочно рокотали колеса.

Военный с двумя шпалами на черных петлицах, вышедший в коридор покурить, стоял у окна, пошатываясь в такт работе

рессор и время от времени точным жестом поднося к губам папиросу. За толстым стеклом, затуманенным осевшей влагой, с утомительным однообразием взлетали и медленно опадали телеграфные провода, мелькали столбы, косо перечеркнутые поперечинами с аккуратными рядками зеленых стеклянных изоляторов. Подальше — на самой границе тумана, белесой стеной подступившего к полотну, — реже и медленнее пробегали потемневшие от непогоды шалашики, составленные из решетчатых щитов снегозадержания.

Когда-то они с братом каждый год в конце лета тоже строили себе шалаш — оперативную базу для глубоких рейдов по окрестным садам. Помешанный на индейцах, Виктор называл это вигвамом. Странно, что даже сейчас — почти тридцать лет спустя — он отлично помнит еще запах «вигвама»: сенокосный аромат вянущей травы, наваленной на каркас из жердей, и прохладный — награбленной антоновки...

Да, почти тридцать лет. А теперь от брата осталось только это непонятное существо, сидящее там, в купе, да обведенная черным заметка: «Народный комиссариат тяжелого машиностроения с прискорбием извещает о кончине Виктора Семеновича Николаева, главного инженера Востсибмашстроя, погибшего при исполнении служебных обязанностей 29 сентября 1936 года».

В последний раз они виделись четыре — или три? — нет, четыре года назад. Виктор заехал к нему на одну ночь, возвращаясь из очередной поездки в Америку, и привез подарки — хитро устроенную американскую трубку с прозрачным мундштуком и бутылку хорошего французского коньяка. Трубка была потеряна очень скоро, на осенних тактических занятиях, а коньяк они тогда выпили вдвоем, пока Виктор рассказывал свои впечатления об американских заводах. Утром, уже на вокзале, он спросил Виктора о наследнице. «Растет, — ответил тот, — не по дням, а по часам. Приедешь в Москву раз в год, и смотришь — Татьяна это или не Татьяна. Нянька жалуется — озорница, говорит, такая, что просто беда. А в общем, жаль девочку. Матери нет, отец превратился в отвлеченное понятие...»

Затянувшись в последний раз, майор взял за ручку окна. Рама плавно и тяжело скользнула вниз, в покойное тепло ко-

ридора ворвался вместе с ураганным грохотом колес холодный ветер, насыщенный сыростью и сернистым запахом паровозного дыма.

Жаль, что Анна Сысоевна не смогла поехать вместе со своей воспитанницей. Конечно, в ее возрасте это уже сложно. А теперь он, сорокалетний холостяк, давно получивший от подчиненных лестное прозвище «костяной ноги», должен — что? Бегать по городу и искать няню? Или самому браться за воспитание племянницы? Экое ведь нелепое положение, будь оно неладно. С парнишкой было бы уж куда проще, что и говорить. И то трудно! Но девочка...

— Ну ладно, нечего разводить панику, — вслух пробормотал майор, закрывая окно. — Не отдавать же родную племянницу в детдом!

Щелчком сбив пушинку с рукава кителя, майор отодвинул дверь купе. Племянница — худенькое круглолицее существо в пионерском галстуке — сидела с поджатыми ногами в уголку дивана. Майор с сожалением заметил, что купленные в Москве журналы так и лежат на столике нетронутой стопкой. Их было много: не зная в точности, что обычно читают в тринадцать лет, он взял на всякий случай все, что было в вокзальном киоске, — «Огонек», «Костер», «Мурзилку», «Крокодил» и «Пионер». Очевидно, нужно было взять что-то другое, экая история...

— Ну вот, Татьяна, — неопределенно сказал он, усевшись на диванчик напротив, — можно сказать, путешествуем?

В сотый раз, но с тем же чувством недоумения, что и впервые, смотрел он на племянницу — собственно говоря, теперь уже дочку. С одной стороны (насколько он понимал), все было как полагается — круглые, совершенно невероятных размеров глаза, нос пуговкой, еще лоснящийся от утреннего умывания, косички с черными бантами. Банты эти, как и снежная белизна блузочки и отлично отутюженная плиссированная юбка с перекрещенными сзади бретелями, хранили еще прощальную заботу Анны Сысоевны, обряжавшей вчера свою воспитанницу в дальний путь. Что ж — девочка как девочка. Но с другой стороны, разве это не загадка — посложнее всех тех, с которыми ему приходилось до сих пор иметь дело? Перед его отъездом из Энска директор той школы, куда он ходил договариваться насчет

Татьяны, посочувствовал его положению и отчасти успокоил его, сказав, что на девочку будет обращено в школе особое внимание; что же касается воспитания внешкольного, директор посоветовал ему почитать некоего Макаренко — или Макарченко? — по его словам, это был большой специалист по таким делам. В Москве майору удалось после долгих поисков купить «Книгу для родителей»; заглавие его немного ободрило, и на эту книгу он возлагал сейчас единственные свои надежды.

Задав племяннице нелепый вопрос, он тотчас же устыдился, вспомнив слышанное от кого-то мнение, что дети отлично разбираются — когда с ними говорят всерьез и когда просто так, чтобы что-то сказать. И действительно, племянница в ответ промолчала — как ему показалось, укоризненно.

— Когда мы приедем, дядя Саша? — в свою очередь спросила она через минуту, сильно картавя и произнося два последних слова совсем слитно, так что получилось «п'иедем» и «Дядя-саша».

— Ну, не так уж скоро, Татьяна! — оживился майор. — Не раньше полуночи, я думаю. Это если без опоздания, поезда сейчас ходят черт знает как. Что, брат, надоело?

— Я немножко устала, Дядясаша, — пожаловалась девочка, — все сидишь и сидишь... и потом жалко, что туман, — ничего не видно...

— Да, туман — это несколько э-э-э... непредвиденное обстоятельство, — отозвался майор, мучительно думая, о чем бы еще поговорить.

Нужно было тщательно избегать упоминания об Анне Сысоевне. Прощаясь с ней на вокзале, Татьяна рыдала истерически, и понадобилось очень много неумелых усилий с его стороны, чтобы кое-как успокоить племянницу, убедив ее в том, что расстанется она с няней всего на несколько месяцев, а летом уедет к ней в Звенигород на все каникулы, до осени. Нельзя было говорить и о Викторе, хотя — как это ни печально — смерть отца Татьяна восприняла едва ли не легче, чем разлуку с няней. Впрочем, можно ли винить за это девочку, если отец появлялся дома раз в год, а то и реже?

Анна Сысоевна рассказывала ему об этих посещениях. Виктор обычно прилетал в Москву на какую-нибудь неделю, из которой семь дней проводил в трестах и главках, а домой забе-

гал лишь для того, чтобы взглянуть на спящую дочку, оставить возле ее кровати кучу конфет и игрушек и самому соснуть несколько часов в своем пропахшем пылью и старыми бумагами кабинете, среди развешанных по стенам фотографий строящихся цехов. А впрочем, может быть, все это оказалось сейчас и к лучшему — для Татьяны. По крайней мере, она не слишком травмирована случившимся...

Майор перевел дыхание, почти физически ощутив вдруг тяжесть газетной вырезки, спрятанной в бумажнике в нагрудном кармане. Эх, Витя, Витя, так и не удалось им за все эти годы выкроить хотя бы неделю совпадающих отпусков, чтобы поехать порыбачить в родных местах под Воронежем...

Да, как-то очень по-разному сложились их судьбы, с самого начала. Насколько буднично и просто шло все у него самого — один курс Политехнического, потом школа прапорщиков, Февраль, Октябрь, Гражданская война, академия и служба по сей день, — настолько яркой казалась ему всегда жизнь Виктора. Тот успел окончить институт в семнадцатом и сразу же после демобилизации в двадцать втором начал работать по специальности. Через год женился — очень счастливо, по любви, — и вообще, казалось, не было ничего, в чем бы ему не везло в те годы. Майор — он тогда еще им не был и готовился в академию — часто бывал у брата в реквизированном особняке на Неглинной, где тот занимал половину роскошного зала с фанерной перегородкой и расковырянным на топливо паркетом. Ни раньше, ни после того ему ни разу не приходилось больше видеть таких счастливых людей, какими были тогда Наташа и Виктор...

Потом Наташа умерла от воспаления легких, простудившись во время лыжной прогулки в Сокольниках; Виктор к тому времени стал уже довольно известным специалистом и работал с Бардиным на Магнитострое. Возможно, именно работа помогла ему перенести удар. Потом его имя стало все чаще мелькать в газетах. Фотографии инженера Николаева в окружении очень высокопоставленных лиц, ордена, командировки в Америку. В свои сорок два года он был назначен главным инженером строительства Восточно-Сибирского завода тяжелого машиностроения. И наконец, срочный вызов в Москву и эта нелепая авария над тайгой...

— Дядяша... а почему люди умирают? — задумчиво глядя в окно, спросила вдруг племянница, и майора почти испугало такое необыкновенное совпадение их мыслей.

— Ну как то есть почему... — смешался он. — От разных причин, Татьяна...

— Нет, я не про то, Дядяша, — терпеливо, как говорят с маленьким, возразила Таня, — а вообще, почему это нужно, чтобы умирали?

Майор озадаченно пожал плечами:

— Это, Татьяна... ну как бы тебе сказать... это уж такой закон существования...

Племянница долго молчала. Потом она отвернулась от окна, и майор увидел, что на ее ресницах блестят слезинки.

— Ну вот, — огорченно сказал он, — а мы договорились не плакать... что ж это ты, Татьяна? Нехорошо, плохо... а ну-ка, повернись ко мне...

Достав платок, майор осторожно и неумело отер ей слезы.

— Плохо быть плаксою, — сказал он назидательно, — это, брат, просто ни на что не похоже — плакать в тринадцать лет. Ты бы вот лучше подумала о том, как будешь учиться, какие у тебя будут новые подружки и тому подобное... сегодня у нас что — среда? Ну что ж, завтра ты будешь отдыхать, хорошо выспишься, а в пятницу можно будет сходить в школу — познакомлю тебя с директором, он тебе скажет, в каком классе будешь заниматься...

Племянница кивнула и вытерла кулачком глаза.

— А в какой школе я буду учиться, Дядяша? — спросила она вздрагивающим еще голосом.

— В отличной школе, Татьяна, — весело ответил майор, принимая более непринужденную позу. — Такая, понимаешь ли, сорок шестая средняя школа, совсем недалеко от дома. Красивое новое здание, и директор произвел на меня хорошее впечатление... Кстати — у вас там какой был язык, из иностранных?

— У нас немецкий, Дядяша... это в двести десятой был французский, а нас хотели перевести на английский, а потом так и оставили с немецким...

— Ну прекрасно, там тоже немецкий, видишь, как удачно. У тебя как с этим делом?

— Годовая была «хор», Дядясаша, потому что я списала контрольную и мне снизили в четверти...

— Вот так после этого и списывай, — сочувственно сказал майор. — Ну, ничего. А с украинским, я думаю, ты тоже справишься...

— С каким украинским, Дядясаша? — озабоченно спросила племянница.

Майор смутился, словно он сам был виноват в том, что девочке придется учить лишний язык.

— Энск ведь находится на Украине, Татьяна, ну и... там приходится изучать украинский язык...

— Ой, — испуганно пискнула племянница. — А это трудно?

— Нет, что ты. Это же почти как русский. Так, маленькая есть разница, а в общем похоже... Войдите!

Дверь откатилась, в купе заглянул бритоголовый толстяк в галифе и темно-синей гимнастерке.

— Товарищу майору с племянницей! — возгласил он сипловатым, чуть придушенным голосом. — Не побеспокоил?

— Приветствую вас, Петр Прокофьич. — Майор встал и жестом пригласил толстяка садиться. — Прощу!

Они были немного знакомы по Энску — встречались иногда на городских партконференциях; а сегодня ночью в Москве Петр Прокофьич появился у вагона как раз в тот момент, когда Таня просталась с Анной Сысоевной, и сочувственно осведомился у майора о причине слез молодой гражданочки. Оказалось, что он возвращается из командировки и даже едет в этом же третьем вагоне.

Обменявшись рукопожатием с майором, толстяк повернулся к Тане и с неожиданным проворством подмигнул заплывшим глазком:

— Как самочувствие, девушка?

Таня очень удивилась про себя странному обращению, но не подала виду.

— Хорошо, спасибо, — вежливо ответила она. — А как ваше?

— Ну, мое всегда — на большой! А вы, значит, уже вошли в норму? Вот это правильно, это по-пионерски!

Подмигнув еще раз, толстяк достал из кармана завернутого в серебряную бумажку зайца.

— Премия за высокие показатели, — пояснил он, ставя зайца на столик.

— Ой какой симпати-и-ичный!.. — восхищенно протянула Таня. — Его просто жалко есть, правда! Спасибо...

— Кушайте на здоровье, девушка, только зубки берегите. Александр Семеныч, я, собственно, по вашу душу... — Петр Прокофьевич заговорщицки понизил голос до сиплого шепота. — В моем купе, понимаете ли, составилась пулечка, и для полного кворума не хватает только вас. Как вы насчет того, чтобы повернуть это дело? Этак, знаете ли, без волокиты, большевистскими темпами, а?

Приглашение пришлось кстати, — честно говоря, майор уже не знал, о чем еще можно поговорить с Татьяной. Карты так карты, за неимением лучшего.

— Это можно, отчего же не повернуть. Татьяна, ты не возражаешь, если я тебя оставлю на часок в одиночестве? Наш разговор мы продолжим позже. Ты не боишься одна?

— Что ты, Дядяша!

— Ну, отлично. Вот этой кнопкой вызовешь проводника, если тебе что-нибудь понадобится...

Несмотря на большевистские темпы, пулечка в купе Петра Прокофьевича продолжалась и после обеда, до самого вечера. За ужином в вагоне-ресторане Таня сидела совсем сонная, поминутно роняя вилку. Когда какой-то военный в высоком звании прошел мимо них, небрежно ответив на майорское приветствие, она почувствовала обиду за своего Дядюсашу и оживилась.

— Он главнее тебя, да? — спросила она, проводив обидчика укориженным взглядом.

— Кто именно? — не понял майор.

— Ну, вот этот, что прошел...

— А, ну разумеется. Ты же видела, он носит в петлицах ромб, а я — две шпалы, следовательно, он старший по званию. Погоди-ка, у тебя с мясом ничего не получается, дай я тебе порезу на кусочки...

— Нож очень тупой, Дядяша. А мне нельзя пива?

— Нет, девочки пива не пьют. Взять тебе сидро?

— Угу. А мальчишкам пиво можно?

— Несколько постарше... Девушка, будьте добры бутылочку ситро...

— Нету ситра, — равнодушно бросила официантка.

Майор обескураженно посмотрел на племянницу.

— Плохо дело, Татьяна. Очень хочется пить?

— Нет, Дядясаша. Мне очень спать хочется. Дядясаша, а почему тебе не дали ромба?

— Такой уж, брат, у меня характер.

— Плохой?

— Видно, плохой.

— Значит, ты пошел в меня, — подумав, сказала Таня. — Анна-Сойна говорит, что у меня характер шkodливый, правда.

Майор поперхнулся пивом, плечи его задрожали от смеха. Таня вздохнула и озабоченно сморщила нос.

— Дядясаша, я тебе еще не сказала... мне годовую по поведению чуть не снизили на «посредственно». Это потому, что мы с мальчишками стреляли на уроке такими бумажками, знаешь, такими сложенными, вот так. — Таня выставила рогаткой два пальца левой руки и правой натянула воображаемую резинку. — И я попала в учителя...

— Это, брат, нехорошо.

— Конечно, — опять вздохнула Таня.

Провожая племянницу обратно в купе, майор вел ее, обняв за плечи, — она уже совсем засыпала. Впрочем, в тускло освещенном тамбуре Таню отрезвили грохот и ледяной сквозняк из неплотно сомкнутых гармошек перехода. Прежде чем ступить на покрытые вафельной насечкой, с лязгом ворочающиеся под ногами железные плиты, она с беспокойством глянула на дядьку снизу вверх и прижалась к его руке.

— Смелее, Татьяна, — подбодрил майор, — держись за меня и не бойся... да ты, брат, трусиха, оказывается, изрядная...

Доверчивое движение девочки его растрогало. «Старый ты пень, — обругал он себя, вспомнив свои утренние сомнения, — костяная нога и есть, ничего другого про тебя не скажешь...»

— Хочешь спать? — спросил он, открывая дверь купе. — Впрочем, скоро мы приезжаем, пожалуй, уже нет смысла...

— Нет, у меня уже весь сон прошел, — бодрым голоском ответила племянница и зевнула. — Я лучше немножко посмотрю журналы...

— Ну отлично. Я пойду покурю пока.

Он выкурил подряд две папиросы, прошелся по коридору, поигрывая сцепленными за спиной пальцами. Потом выглянувший из купе Петр Прокофьевич снова затащил его к себе, затеяв долгий разговор о событиях в Испании. Когда майор вернулся к племяннице, та уже мирно спала, свернувшись калачиком. Возле ее носа, на открытой странице журнала, лежал шоколадный заяц с откушенным хвостом.

Огибая аэродром, поезд описывал широкую дугу, и в залитом дождем окне плыла, ширясь, мерцающая россыпь огней Энска. Майор снял чемоданы с багажной полки, собрал журналы, аккуратно завернул в серебряную бумажку бесхвостого зайца. Покончив со сборами, он долго стоял над племянницей, глядя на ее порозовевшую от сна щеку, освещенную теплым светом лампочки.

— Татьяна, — позвал он негромко, тронув ее за плечо. — Татьяна, вставай-ка, брат, подъезжаем...

С трудом приведя Таню в состояние относительного бодрствования, он подал ей пальгишко, неумелыми движениями помог завязать шарф и оделся сам, рассовав журналы по карманам плаща.

Замедляя ход, экспресс ворвался в лабиринт подъездных путей энского вокзала. Вагон мотало на громыхающих стрелках, за окном — уже неторопливо — пробегали красные и зеленые огни, ряды вагонов, водокачка, проплыла темная туша отдыхающего на запасном пути паровоза, возле которого делал что-то человек с дымно-красным факелом.

— Ну вот мы и дома, — бодро сказал майор, когда мимо окна замелькали лица встречающих на ярко освещенном перроне.

Несмотря на поздний час, на привокзальной площади было ещелюдно. Шел дождь. В мокром асфальте отражались высокие молочные фонари и красные фонарики пробегающих машин. Коренастый боец в черном бушлате танкиста откозырял майору, пожал ему руку и, подмигнув Тане, забрал у носильщика чемоданы.

— Сюда, товарищ майор, пришлось в сторонке стать — хотел ближе, так не дали... здесь постовой сегодня такой вредный,

нет спасения, я его давно знаю — еще до призыва, я в Заготзерне на полуторке работал, — так он одной крови сколько мне спортил, это просто невероятно сказать...

— Милиция знает, кому кровь портить, — проворчал майор, — ты, брат, лихач известный.

Они подошли к защитного цвета газику с поднятым брезентовым верхом. Боец поставил чемоданы и открыл заднюю дверцу.

— На попа их, Нефедов, вот так... ну, Татьяна, полезай-ка. Не мешают?

Захлопнув за племянницей дверцу, майор подергал ее и, подбирая полы плаща, полез на переднее сиденье — машина скрипнула и накренилась.

— Газуй теперь, Нефедов, — сказал он, устраиваясь поудобнее и закуривая.

Таня прижалась носом к холодному целлулоиду, по которому снаружи сбегали извилистые дождевые струйки. Витрины были уже погашены, и улицы казались темными. На одном из перекрестков впереди вспыхнул красный глаз светофора — газик остановился, нетерпеливо пофыркивая и содрогаясь. Дядя-саша, закинув локоть за спинку сиденья, очень тихо разговаривал с водителем, на ветровом стекле маятником мотался рычажок «дворника», с каждым взмахом оставляя за собой широкий прозрачный полукруг, сразу же опять покрывавшийся сверкающим водяным бисером. Сонно шуршал дождь по брезентовой крыше. Вздохнув, Таня плотнее вжалась в угол сиденья и закрыла глаза.

Когда ее разбудили, машина стояла уже в другом месте. Таня вылезла, протирая кулачками глаза и зевая. Улица была широкой, налево поскрипывали от ветра голые черные деревья, направо высился большой кирпичный дом, немного похожий на нее, московский. Косая сетка мелкого осеннего дождя летела перед молочными шарами фонарей.

— Ну, Татьяна, — сказал майор, — на этот раз мы уже окончательно дома. Идем-ка, брат...

Следом за несшим чемоданы водителем они поднялись на четвертый этаж и остановились на площадке. Майор отпер дверь, протянул руку в темноту и щелкнул выключателем.

— А ну-ка, Татьяна... вот и наше жилище. Нравится?

Таня обвела глазами огромную комнату с тремя высокими, закругленными вверху окнами. Черный кожаный диван, канцелярский шкаф с книгами, письменный стол и пара кресел уютно стояли вдоль стен, почти не занимая места. С лепного потолка свисала на длинном голом шнуре очень яркая лампочка, прикрытая прогоревшим с краю бумажным фунтиком.

— Ну так как же? — повторил майор, внося в комнату чемоданы.

— Ничего, Дядясаша, — ответила Таня вежливо и не совсем искренне. — Окна совсем как во Дворце пионеров...

— Верно, — улыбнулся майор, — как во дворце. Я эту комнату так и называю — «тронный зал».

— А ты один здесь живешь?

— В принципе да. А что?

Таня пожала плечиками.

— Слишком пусто, и мебели совсем нет...

— А, это мы все устроим... я вот завтра с утра позвоню в КЭЧ, пусть-ка они нам что-нибудь сообразят насчет обстановки. Это уж я оставляю на твое усмотрение, теперь ты хозяйка. Ты пока раздевайся, а я взгляну, не спит ли наша мать-командирша.

Таня сняла пальто и галошки и принялась рассматривать развешанные по стенам карты и непонятные таблицы, потом забралась с ногами на диван и зябко поежилась. В большой уютной комнате было холодно, пахло старыми газетами и застоявшимся табачным дымом, по стеклам ничем не занавешенных окон барабанил дождь. Откуда-то издали доносилась негромкая печальная музыка. Диван был холодный, как большая черная лягушка; Тане вдруг очень захотелось плакать. В эту минуту за дверьми послышались шаги и голос Дядясаши, и он вошел в комнату, пропустив перед собой толстую старуху.

— Прощу, это вот и есть моя знаменитая московская племянница. Татьяна, познакомься с Зинаидой Васильевной, сейчас мы пойдем к ней что-нибудь перекусить, а то у меня здесь ничего нет...

— Так это вот и есть Татьяна! — басом закричала старуха. — Да взрослая-то ты какая, батюшки мои, вовсе уж девка! К нам, значит, на жительство? И верно, Татьяна, уж мы тут с тобою за-

живем на славу — я и сама все дочку хотела, так нет же — как на грех, один сын, другой сын, тьфу ты пропасть!

Старуха была толстой, доброй и веселой — напоминала даже Анну-Соину. Таня почувствовала к ней доверие.

— А дядька-то твой, слышь, учудил! — продолжала та. — Найдите мне, говорит, нянюшку для племянницы! Да ты сдурел на старости лет, Семеныч, ей-право сдурел. Девке скоро замуж собираться, а он — нянюшку! Господь с тобой, Семеныч, и выдумал же! Коли что надо — я присмотрю, за это не бойся. Даром ты, что ли, моих сынов в армии воспитывал, а? Не бойся за девку, Семеныч, воспитаем и ее. Вот домработницу хорошую я тебе найду, приходящую, это нужно. Раз дите в доме завелось — нужно, спорить не стану. Сама-то небось хозяйновать не умеешь? Ну и верно, тебе это покамест и ни к чему, научишься еще, как время придет, намаешься. Ну, пошли, что ль. Чего поздно-то так, опять небось поезд опоздал? А я и спать не ложилась — что там, думаю, у Семеныча за племянница такая... глазком хотя поглядеть. Спать нынче у меня будешь, слышь, Татьяна? Дядька-то твой разве чего приготовит, да и что с него взять, с бо-быля...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

То, что Сережка Дежнев остался досиживать второй год в девятом классе, было вызвано просто глупейшим стечением обстоятельств. И ведь до чего обидно — раньше, в седьмом, в восьмом, он вообще не учился, хулиганил, молоденькую преподавательницу литературы довел однажды до слез — и ничего, переползал-таки из класса в класс, с грехом пополам натягивая в годовой ведомости переходной минимум. Правда, в пятом он тоже сидел два года, но это было давно; позже ему как-то все сходило с рук. А теперь не сошло — именно теперь, когда учеба, бывшая до сих пор скучной повинностью, стала вдруг главным в жизни! И если вспомнить сейчас, как это получилось, — так просто плюнуть хочется, до чего глупо...

Все началось с экскурсии на завод оптических приборов, устроенной преподавателем физики Архимедом в самом начале первой четверти. Иногда бывает, что какая-то мелочь вдруг меняет всю жизнь, направляет ее по другому пути. И так случается не только в романах. Отстав от экскурсии и остановившись перед одним заинтересовавшим его станком, Сережка Дежнев не знал, что в этот момент его собственная судьба определилась на много лет вперед.

Собственно, это был не один станок, а целая их цепочка — слитых друг с другом, установленных на одном длинном фундаменте и, как он сразу догадался, работающих без участия человека. Человек за ними только присматривал: самый обычный рабочий, никакой не инженер или лаборант, похаживал вдоль линии станков в обычной замасленной спецовке и в плюснутой блином кепке, поглядывая и прислушиваясь. Дойдя до замершего в восторге Сережки, он покосился на него и ничего не

сказал. «Сейчас прогонит», — подумал тот, но не тронулся с места. Рабочий прошел дальше, вытирая руки тряпкой. Через несколько минут он вернулся, совершив свой обход.

— Ну как, малец, — спросил он у Сережки, — нравится? Ты что, со школой здесь?

Сережка не обиделся даже на «мальца» и только кивнул, отвечая сразу на оба вопроса.

— А как оно работает? — отважился он спросить в свою очередь сипловатым от волнения голосом.

— Как работает? Это, парень, так просто и не расскажешь, как оно работает... само работает, вот в чем гвоздь. Глянь сюда...

Он достал из кармана спецовки и протянул Сережке небольшую — она свободно уместилась в углублении его ладони — сложных очертаний деталь, сработанную из новенькой ярко-золотой бронзы.

— А ну-ка, глянь, — повторил рабочий, — сколько тут операций? Ну так, на глазок?

Сережка повертел в руках теплую весомую вещицу и смущенно пожал плечами, признавая свое невежество.

— И чему вас в тех школах учат, — проворчал рабочий себе в усы. — Ты гляди: здесь расточка с резьбой — так? Эти вот плоскости отфрезерованы, это тоже операция; теперь тут вот шлифовка — видишь? — этот паз выбран, а отверстия, глянь, под каким углом... короче — тут, парень, четырнадцать операций, в этой одной детали, и все автоматика делает. Ты прикинь, сколько тут рук надобно было, когда это вручную гнали...

Сережка хотел было спросить, советский ли это станок, но тут сам увидел отлитые на станине латинские буквы. Ему стало обидно.

— Это что же, не наше? — спросил он.

— Покамест не наше... — Рабочий прислушался к разнотонному гудению механизмов и кивнул Сережке. — Ну, мне недосуг, ступай. А это возьми, — прибавил он, увидев вдруг, с какой нежностью Сережкины пальцы гладят фрезерованную грань детали. — Бери на память, ладно уж, все одно это брак...

Сережка поблагодарил и удивился.

— А он что же, — он кивнул на станочную линию, — тоже запарывает?

— Тут не то, заготовка была такая. Глянь вон со споду — раковина там, литье подкачало. Ну, счастливо...

Серезка постоял бы здесь еще, любуясь шеренгой чудесных машин, но услышал свою фамилию — экскурсия уходила из цеха, его хватились. Сжимая подарок в кармане пальто, он побрел к выходу, оглядываясь и спотыкаясь.

Бродя вместе с другими по производственным участкам, он уже не слушал объяснений руководителя, а только смотрел по сторонам — нет ли где еще одной «цепочки» автоматов. Но их не было; установленная в шестом цехе была, очевидно, единственной на заводе. Или, может быть, были еще в тех цехах, куда экскурсия не заходила. Серезке опять стало обидно — почему так мало таких машин на новом заводе. «Покамест не наши», — вспомнил он слова рабочего. Подумать только, сколько приходится переплачивать буржуйам за такие станки... До каких же пор это «покамест»?

Старший его брат, Николай, работал на мотороремонтном, токарем. Серезка вспомнил вдруг, как часто Коля приходил домой серый от усталости, как он жаловался на изношенный станок, запарывающий деталь за деталью. А тут! Ходи только да посматривай... Его пальцы скользнули в карман и ощутили теплую, шелковистую на ощупь поверхность шлифованной бронзы, коснулись острой и точной грани, почувствовали шероховатость оставленных фрезой мельчайших рисок. Елки-палки, и это все делает сама машина! Если ее научили делать эти операции — почему же нельзя научить и другим? Чем эта вот деталь отличается от других? Ну, факт — одни попроще, другие посложнее... так ведь и автоматику эту самую тоже можно сделать еще хитрее. А потом автоматизировать сборку, и...

Покончив с осмотром завода, экскурсия — два параллельных класса, почти восемьдесят человек — с гомоном толпилась на автобусной остановке. Девчонки требовали, чтобы их пропустили в первую очередь — мальчишки, мол, могут ехать следующим автобусом, ничего им не сделается. Серезка не принимал в споре никакого участия. Отойдя в сторонку, он шурился на угрюмые бетонные коробки цехов. Ведь это еще новый завод... а посмотреть на мотороремонтный, так с тоски подохнешь... Серезка вспомнил Колин цех, куда он часто заглядывал. Тусклая

ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ СЛЕПУХИН
ПЕРЕКРЕСТОК

•
ТЬМА В ПОЛДЕНЬ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Полина Дроздовская, Ольга Золотова,
Валерий Камендо, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.09.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 58,8. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

